

ПРАВСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ К «ЧУЖОМУ» У ДЕТЕЙ 3–11 ЛЕТ. РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНЫХ ДИЛЕММ: ПРЕДУБЕЖДЕНИЯ И ПРЕДПОЧТЕНИЯ

И.М. СОЗИНОВА^{1*}, И.И. ЗНАМЕНСКАЯ², Ю.И. АЛЕКСАНДРОВ^{1,2}

¹ ФГБОУ ВПО «Государственный академический университет гуманитарных наук»,

² ФГБУН «Институт психологии РАН», Москва

Изучалось соотношение нравственного предпочтения «своего-чужого» при решении моральных дилемм (дети 3–11 лет). С использованием разработанной авторами методики выявлен возрастной тренд: при решении дилемм дети на более ранних стадиях онтогенеза чаще встают на сторону «своего» по сравнению с детьми на более поздних стадиях, которые достоверно чаще проявляют справедливость в отношении «чужого».

Ключевые слова: нравственность, мораль, субъективный опыт, культура, межвидовые отношения, моральная дилемма, «свой – чужой», дети 3–11 лет.

Введение

Человек делит окружающий мир на группы: этнические, национальные, расовые, видовые и др. Объединение в группы выгодно с точки зрения эволюции. Индивид руководствуется социальными нормами и правилами, включающими в себя деление на «своих» – членов собственной группы – и «чужих» – членов других групп. Жертвуя своими интересами в пользу других членов группы, индивид получает большие шансы на продолжение себя в будущих поколениях [6].

Способность к дифференциации «своих» и «чужих» становится важной при взаимодействиях внутри сообщества. Так, готовность безвозмездной помощи другому выше в тех сообществах, где системы распознавания «своих» совершеннее [20]. Разными исследователями показано, что отношение к «своим» и «чужим» различа-

ется. Например, в сложных когнитивных ситуациях стереотип своей этнической группы приобретает больше социально желательных черт, тогда как члены других этнических групп оцениваются более негативно [8]. Данные различия выявляются и на уровне мозгового обеспечения. Было найдено, что люди с большей готовностью вступают в кооперацию при игре с членом «своей» группы. Кроме того, в случае взаимодействия с «чужим» наблюдалась активация зон, связанных со страхом [37].

Вопрос о разделении на «своих» и «чужих» затрагивает острые и на сегодняшний день проблемы расизма, межэтнических, межнациональных конфликтов.

В современном обществе существует запрет на открытые расистские проявления. Внедрение политкорректности в части стран обуславливает увеличение количества людей, демонстрирующих толерантность при сознательном контроле собственного поведения. Однако предубеждения могут продолжать обнаруживаться на бессознательном уровне. Так, Olsson A. et al. [33] установили, что негативные, вызывающие отвращение стимулы в тесте имплицитных ассоциаций легче связываются с людьми других рас,

© Соколова И.М., Знаменская И.И., Александров Ю.И., 2013

* Для корреспонденции:

Соколова Ирина Михайловна
Государственный академический университет
гуманитарных наук, Москва
E-mail: eirole@yandex.ru

чем с представителями своей. Отмечается, что, когда люди встречаются с ситуациями проявления расизма, они часто не оказывают никакого противодействия [40]. Уровень эмоционального дистресса при реальном столкновении с расистским поведением даже в грубой форме достаточно низок по сравнению с гипотетической ситуацией подобного столкновения [30]. С помощью экспериментов с фМРТ с участием белых американцев [34] было продемонстрировано, что предъявление фотографий людей, принадлежащих к другим расам, вызывает активность миндалины, сходную с предъявлением страшного лица. Данное увеличение активности миндалины коррелировало с имплицитными тестами на расовые предубеждения, но не с сознательным выражением расовых позиций. Причем, этот феномен (увеличение активности) может быть устранен с помощью сознательного подавления предубеждения [25]. Известно, что, когда индивид наблюдает за причинением боли другим, у него активируются определенные мозговые структуры, которые активны и при его собственных болезненных ощущениях. Однако обнаружено, что подобный феномен достоверно более выражен при наблюдении за причинением боли другим, принадлежащим к той же, что и индивид, расе [43].

Для того чтобы в действительности понять явление, необходимо изучать его в развитии. И для распознавания природы отношения к «чужим» необходимо проследивание его формирования в онтогенезе. Исследование формирования отношения к другим расам в процессе онтогенеза было проведено Quintana S.M. [36]. Показано, что предвзятость в отношении членов других расовых групп более выражена в раннем детстве (см. также работу [31] о формировании заметного предпочтения представителей собственной расы к 5 годам). В ходе дальнейшего развития открытый негативизм уменьшается. Quintana S.M. приводит несколько предположений, объясня-

ющих снижение негативных установок по отношению к представителям других рас с возрастом, однако он не затрагивает эволюционных аспектов проблемы.

Наше предположение, объясняющее упомянутую закономерность и определяющее цели настоящей работы, основано на эволюционных представлениях. Оно заключается в том, что наблюдаемая Quintana S.M. динамика формирования отношения к другим расам обнаруживается в связи с тем, что для всех этапов и «ветвей» эволюции стержневой основой представляются распознавание и оказание предпочтения «своим».

Самое яркое проявление предпочтения именно «своих» – известная закономерность «отбор родственников» (kin selection): в процессе естественного отбора преимущество получают те генотипы, фенотипическая актуализация которых обеспечивает альтруистическое поведение в отношении к максимально «своим» – родственникам агента (см. классические работы Гамильтона [27, 28]). Поддержка родственников (непотизм) рассматривается в качестве основного фактора поддержания сообщества во времени. Хотя современные данные не противоречат теории Гамильтона, описаны и другие виды альтруизма, например, реципрокный («ты мне – я тебе»), который направлен и на неродственников [13] и положительно коррелирует с увеличением группы [24].

Наиболее эволюционно древней, исходной формой альтруизма был парохильный альтруизм, то есть относящийся только к членам своей группы – «своим» – и сочетающийся с враждебностью к «чужим». Причем, это не случайное сочетание: межгрупповая конкуренция обуславливает развитие внутригрупповой кооперации и альтруизма [7]. Посредством математического моделирования были получены данные, свидетельствующие в пользу того, что альтруизм и негативное отношение к «чужим» не были бы жизнеспособны (эффективны для выживания

сообщества) поодиночке и потому развивались вместе в условиях межгрупповой конкуренции [23].

Реципрокный альтруизм, по-видимому, возникает после выхода кооперативных взаимодействий за пределы родственной группы и по мере взросления захватывает все более расширяющиеся круги «чужих» индивидов (иногда даже принадлежащих к конкурирующим сообществам), которые в случае успешных коопераций становятся в чем-то «своими», заслуживающими доверия и альтруизма. Реализация реципрокного альтруизма требует большей когнитивной сложности психических процессов, чем nepoтизм, и развивается позже в онтогенезе [13].

По-видимому, наиболее древним способом регуляции как внутри-, так и межгрупповых отношений служит мораль. Нравственность при этом является характеристикой формирующегося в культуре субъективного опыта и сопоставима с социальной оценкой любого поведения индивида. Развитие системных структур – как субъективного опыта, так и культуры – связано с нарастанием системной дифференциации. Наиболее древние системы, характеристиками которых являются эмоции (в случае субъективного опыта) или мораль (в случае культуры), обеспечивают минимальный уровень дифференциации: хорошо/плохо, разрешено/запрещено. Минимальный уровень дифференциации означает, что данное деление образует «направляющие» для всей системной структуры, формирующейся на протяжении развития индивида и культуры [1, 2].

Формирование систем у индивида происходит в процессе системогенеза, который может рассматриваться как фиксация онтогенетического этапа. В ходе развития вновь сформированные системы не замещают «ранние», а «наслаиваются» на них. Реализация поведенческого акта происходит путем актуализации систем разного возраста. Таким образом, структура субъективного опыта фиксирует в себе этапы

формирования поведения и организует системы разного возраста [18].

Сказанное выше позволяет полагать, что системы, обеспечивающие дифференцирование «своих» и «чужих», являются древними как фило-, так и онтогенетически. Уже в младенчестве человек дифференцирует окружающую среду на «свою» – то, что представлено в субъективном опыте, и «чужую» – то, чего в субъективном опыте нет и что является потенциально опасным. Например, было показано, что трехмесячные дети отдадут предпочтение лицам «своих» рас, нежели «чужих» [35]. Деление на «своих» и «чужих» существует и у первобытных племен. Так, туземцы, наблюдаемые М. Мид [32], при необходимости помогали лишь родственникам, членам своего племени. Кроме того, многочисленные примеры помощи «своим» (а значит, обладание способностью отличить «своих» от «чужих») описаны как у людей на протяжении всей истории формирования человеческого сообщества, так и у животных (см., напр. [6, 42]).

В соответствии с упомянутой выше логикой и для понимания природы нравственного отношения к «чужим» в целом необходимо прослеживание его формирования в онтогенезе. На сегодняшний день эта проблема исследуется в контексте отношений между разными социальными или этническими группами людей ([22, 26, 36] и др.). В том, что касается внутривидовых отношений, имеется длительная исследовательская традиция. А. Эспинас в конце XIX века [19] отмечал как очевидное, что основная суть существования сообществ заключается в постоянном сотрудничестве индивидов с другими представителями вида и, более того, именно такие сотрудничающие сообщества рассматриваются им в качестве «нормальных». Высказанные нами выше соображения, касающиеся эволюционных корней и онтогенетических закономерностей формирования предпочтений во взаимодействиях с индивидами разной степени близости и чуждости, так-

же относятся к внутривидовым отношениям. Отношения видов — это не только конкуренция, хотя она и выявляется в подавляющем большинстве (90%) случаев изучения поведения соприкасающихся видов [38], но и кооперация, основанная на комплементарности поведенческих адаптаций. Хотя и в существовании «межвидовых союзов», пусть менее «тесных», чем внутривидовые, не было сомнений тоже с давних пор (см. в [19]), но и в наши дни именно в области изучения межвидовых отношений ощущается явный недостаток эмпирических исследований (см. в [12]), особенно выраженный в проблемном поле исследований нравственных отношений. Можно предположить, что вопрос о динамике развертывания (от «своих» к «чужим») затрагивает формирование не только внутри- и межгрупповых отношений в рамках человеческого сообщества, но и упомянутые межвидовые отношения. Важность изучения данной проблемы в межвидовом аспекте подчеркивается и в экологической психологии. В.И. Панов [9] пишет о необходимости изучать развитие психики при взаимодействии ее с окружающей средой, природой в целом. При этом следует учитывать все аспекты такого взаимодействия, включая межвидовые отношения [10].

С учетом сказанного выше нами была выдвинута теоретическая гипотеза: развитие структуры субъективного опыта, делающей возможным нравственное предпочтение «чужого», развертывается от наиболее рано формируемых в онтогенезе систем (в любом случае помогать родственнику, а также представителю «своего» вида как наиболее выгодная стратегия «выживания» «своих» генов) к более поздно формируемым (помощь «чужому», в том числе представителю не только своего, но и другого вида, понимание ценности жизни как таковой [17] и справедливости в отношении ко всему живому).

Цели настоящего исследования:

- Разработка и апробация методики, позволяющей измерять нравственное пред-

почтение «своего» или «чужого» в условиях внутри- и межвидового морального конфликта.

- Выявление особенностей нравственного выбора «своего» или «чужого» у детей разных возрастных групп.

Методика

Участники исследования: 98 детей, 51 мальчик и 47 девочек в возрасте от 3 лет 4 месяцев до 11 лет 2 месяцев ($M_e=7,4$ года). Дети дошкольного возраста опрашивались в детских садах г. Москвы, с. Александрова Гая Саратовской обл.; г. Кирова. Дети школьного возраста опрашивались в школах г. Москвы.

Для сравнения выраженности исследуемых характеристик все участники исследования были разделены на четыре группы контраста в соответствии с данными литературы о становлении морали у детей и способности понимать другого [11, 14, 40]: 3–4 года, 5–6 лет, 7–9 лет, 10–11 лет (табл. 1).

Таблица 1

Социодемографические характеристики возрастных групп общей выборки

		Мальчики	Девочки	Медиана по возрасту (лет)
Возрастные группы	3–4 года	7	8	4,5
	5–6 лет	12	12	5,5
	7–9 лет	22	20	7,8
	10–11 лет	10	7	10,4
Итого		51	47	7,4

Процедура. Исследование проводилось в форме индивидуального структурированного интервью. В ходе исследования испытуемому предлагалось решить 4 дилеммы: «Инопланетяне», «Человек», «Белки», «Собаки». После каждой дилеммы ребенка просили выбрать, на чью сторону он встанет. Если ребенок колебался или не мог ответить на данный вопрос, то

экспериментатор настаивал на окончательном выборе какого-либо персонажа. При предъявлении каждой из дилемм испытуемого просили оценить поступок персонажа, совершающего «аморальное» действие, по 5-балльной шкале из смайликов (ранее смайлики аналогично использовались для оценки поведения в исследовании [39]). Соответствие субъективных оценок представленной линейке из смайликов контролировалось с помощью задачи на их ранжирование. Такое задание давалось до предъявления дилемм. Вследствие необходимости регистрировать сердечный ритм в течение 5 минут и более (подробнее см. в [5]) в последующих сериях эксперимента в течение нескольких минут проводилась беседа на произвольные темы до предъявления дилемм и давались вербальные задания, не обладающие моральной нагрузкой, после предъявления дилемм.

Детям дошкольного возраста для лучшего понимания содержания дилемм параллельно предъявлению дилемм демон-

стрировали цветные иллюстрации к ним размером 90×85 мм.

Набор дилемм для тестирования

Вопросы-подсказки на понимание дилемм задаются после первой предъявленной дилеммы: Кто герои истории? Что делают герои в этой истории? В чем герои истории не могут разобраться между собой? Вопросы о невинности «жертвы» и на понимание необязательности действий «агрессора».

Дилеммы

История про Волка и мальчика Рому (Дилемма «Волк»). Волк живет в лесу, где ему есть что покусать. Рома решил пойти в лес за грибами. Рома ничем не угрожает Волку, просто собирает грибы и гуляет по лесу. Но Волк решает напасть на Рому и съесть его.

Если бы ты оказался рядом, кому бы ты помог: Волку – поймать Рому или Роме – убежать от Волка? Почему?

А если Волк поймает Рому, как он поступит? А можешь вот здесь показать на рожицах? Почему ты оценил именно так? Чем отличается твоя оценка от этой или этой? (указываются ближайшие по краям).

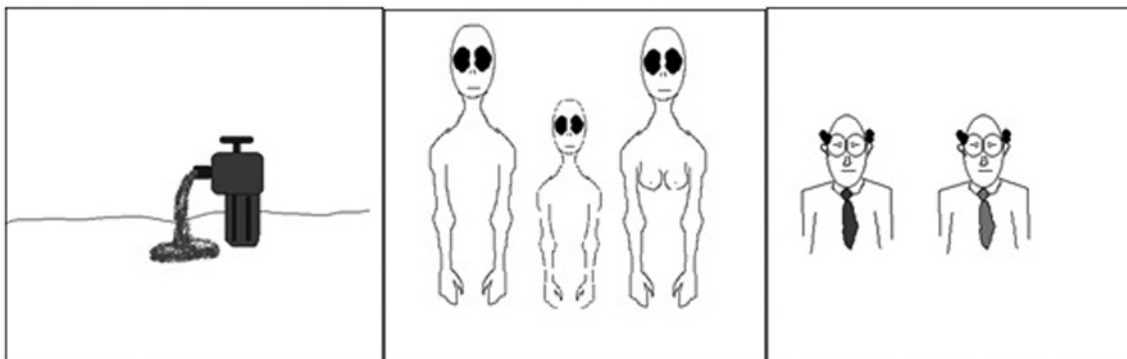

Рис. 1. К дилемме «Инопланетяне»

История про инопланетян и землян (Дилемма «Инопланетяне») (рис. 1). На далекой планете есть источник с особой водичкой. Инопланетяне, живущие на этой планете, питаются только этой водичкой. А люди обнаружили, что если поить детей в детских садах из этого источника, то они быстрее будут лечиться от простуды, не за неделю, а за три дня. Инопланетяне и зем-

ляне не смогли решить между собой, кому достанется источник, из-за этого между ними началась война.

На чью сторону ты стал бы в этом сражении: на сторону инопланетян или землян? Почему?

Если земляне вывезут воду, как ты оценишь их поступок? Почему именно так? Чем отличается твоя оценка от этой и этой?

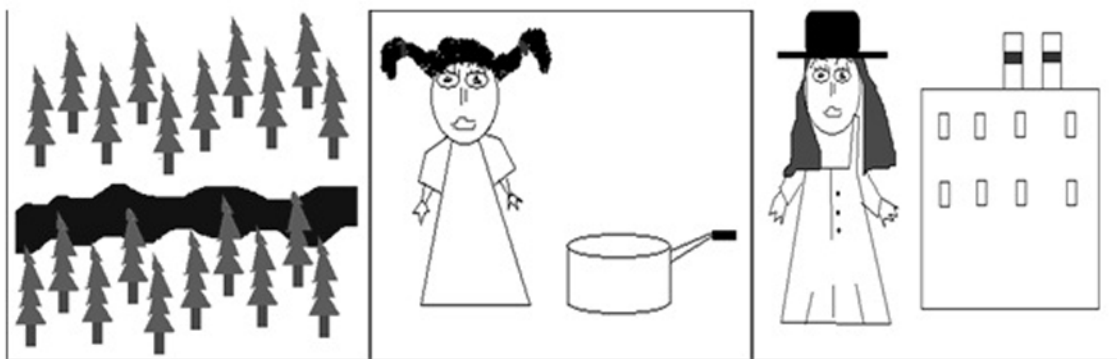

Рис. 2. К дилемме «Человек»

История про Риту и Дашу (Дилемма «Человек») (рис. 2). В глубине леса течет речка. Рита берет оттуда воду, чтобы пить, умываться и готовить еду. А Даша хочет построить на этой речке завод, который не будет загрязнять речку, чтобы производить велосипеды и раздавать их детям. Рита и Даша не смогли между собой договориться, кто из них будет пользоваться речкой.

Кому бы ты отдал речку: Рите – чтобы она там жила, или Даше – чтобы она построила завод? Почему?

Как ты оценишь поступок Даши, если она построит завод?

Почему именно так?

А чем отличается твоя оценка от этой и этой?

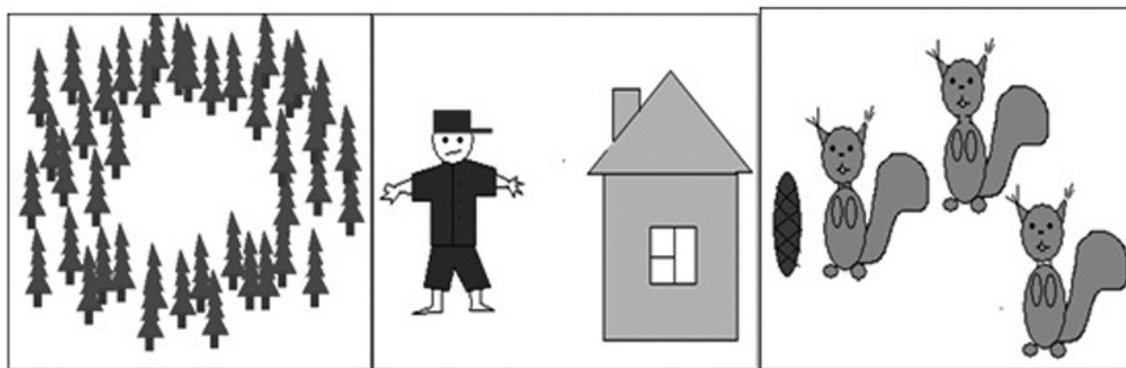

Рис. 3. К дилемме «Белки»

История про Ваню и белок (Дилемма «Белки») (рис. 3). В лесу есть полянка. Ваня хочет построить на этой полянке дом для своей семьи, потому что сейчас у него есть только маленький и тесный домик и ему неудобно в нем жить. На этой же полянке живут белки, которые питаются только здесь и очень боятся людей. Ваня и белки не смогли решить, кому же достанется по-

лянка. Если он построит дом, то белкам негде будет жить и нечего есть, зато у Ваниной семьи появится большой и просторный дом.

Кому бы ты отдал полянку: Ване или белкам? Почему?

Как ты оценишь поступок Вани, если он построит дом? Почему именно так? Чем отличается твоя оценка от этой и этой?

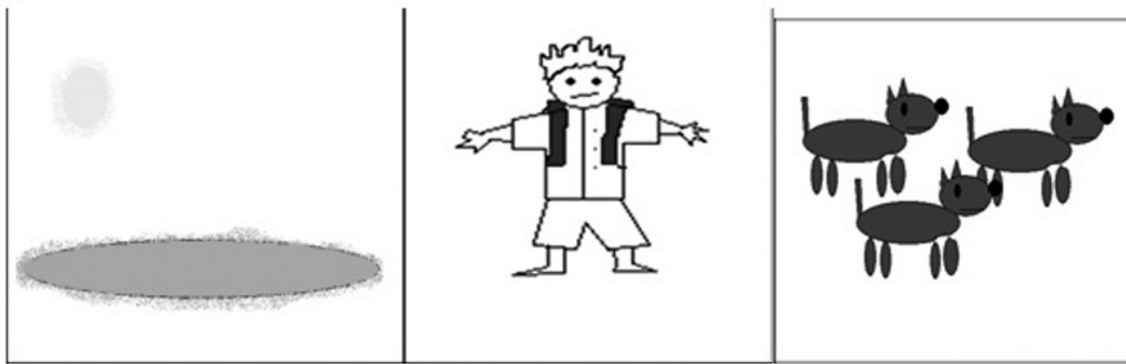

Рис. 4. К дилемме «Собаки»

История про Федю и собак (Дилемма «Собаки») (рис. 4). В городе есть лужайка. Федя хочет построить через эту лужайку дорогу к своему дому, чтобы ему было ближе ходить из школы. А собаки гуляют и едят траву на этой лужайке, чтобы лечиться от болезней. Если Федя построит дорогу, то собаки не смогут гулять и есть траву и сильно заболеют, но Феде и его друзьям

будет удобно ходить домой. Что бы ты сделал: помог Феде и его друзьям построить дорогу или собакам – сохранить лужайку? Почему?

А как ты оценишь поступок Феде, если он все же построит дорогу? Можешь на этой линейке показать? А почему ты именно так ответил? Чем отличается твоя оценка от этой и этой?

Дизайн методики «Моральные дилеммы типа «свой – чужой». Для проведения данного исследования нами совместно с Арутюновой К.Р. была разработана методика [4, 15]: истории в форме нарративов, сформулированные по принципу моральных дилемм, и вопросы к ним (текст дилемм см. выше). Основной задачей методики было создание ситуации конфликта между «своим» и «чужим». В нашем исследовании источником конфликта выступает ограниченный ресурс, в разной степени необходимый персонажам. Дилеммы были построены таким образом, что ребенку приходилось выбирать между выживанием «чужого» или поддержкой «своего», получении для него выгоды. С одной стороны, ребенок должен выбрать «своего» – более близкого генетически, с другой – должен защитить чужого, основываясь на представлениях о справедливости в данной культуре, ценности жизни [16]. Также были сформулированы две контрольные дилеммы. Полный список сформулированных дилемм см. в таблице 2.

В пилотном исследовании было выявлено, что дилемма «Волк» не обладает дифференцирующей способностью (все дети вставляли на сторону «своего»). В последующем она не использовалась.

Таблица 2

Общий дизайн дилемм

Название	«Агрессор»	Конфликт
«Волк»	«Чужой»	Контрольная дилемма
«Человек»	«Свой»	Конфликт «свой – свой» (контрольная дилемма)
«Инопланетяне»	«Свой»	Конфликт «свой» – «чужой», живущий в другой биосфере
«Белки»	«Свой»	Конфликт «свой» – «чужой», живущий в «своей» биосфере
«Собаки»	«Свой»	Конфликт «свой» – «чужой», живущий в семье

Для контроля систематической ошибки порядка предъявления персонажей в дилемме было составлено два набора дилемм, в которых уравнивался порядок

предъявления «жертвы» и «агрессора» в ходе рассказа и в формулировке просьбы выбрать какого-либо персонажа. В первом наборе участникам исследования сначала предъявлялись следующие персонажи: инопланетяне, Рита («жертвы»), Ваня, Федя («агрессоры»), во втором – люди, Даша («агрессоры»), белки, собаки («жертвы») в дилеммах «Инопланетяне», «Человек», «Белки», «Собаки».

Переменные. В процессе обработки данных анализировались следующие переменные:

- *Ответ испытуемого* классифицировался как «нападение» или «защита» в зависимости от того, на чью сторону встал испытуемый. Если он выбрал сторону «агрессора», то такой ответ расценивался как «нападение». В обратном случае ответ расценивался как «защита».

- *Индекс применения стратегии «защиты».* Усреднялись ответы на дилеммы по каждому испытуемому, при этом ответ-«нападение» расценивался как «0», а «защита» – как «1». При расчетах получилось лишь 3 варианта индексов стратегии «защиты».

- *Оценка испытуемым поступка «агрессора»* (по 5-балльной шкале).

- *Индекс «оценки»* получался при усреднении оценок поступка «агрессора» по каждому испытуемому.

- *Индекс «сомнения»* был получен в результате усреднения количества изменений ответов на дилеммы и при оценке поступка «агрессора» по каждому испытуемому.

Сбор и обработка данных. Все ответы записывались параллельно в протокол экспериментатором и на диктофон. Обработка результатов проводилась с помощью программного пакета IBM SPSS 20.0 и программы Microsoft Excel 2010.

Результаты

1. Апробация методики

При анализе для дилемм «Инопланетяне», «Человек», «Белки» были использованы данные, полученные при участии 52 чело-

век в возрасте от 3 лет 4 месяцев до 8 лет 6 месяцев ($Me=5,5$ лет), из них 27 мальчиков, 25 девочек. Использовались и данные, полученные при участии 34 человек того же возрастного диапазона ($Me=5,04$ года): 20 мальчиков, 14 девочек, для дилеммы «Собаки».

В ходе предварительных исследований было показано, что эти дилеммы обладают дифференцирующей способностью. Не было выявлено значимых различий между распределениями ответов на каждую дилемму с разным порядком предъявления персонажей (критерий Фишера двухсторонний, $p>0,05$). Также не было обнаружено половых различий (критерий Фишера двухсторонний, $p>0,05$). Следовательно, не найдено расщепления норм по половому признаку для данной методики.

В контрольной дилемме «Человек», где конфликт разворачивается между представителями своего вида, не было выявлено тенденции увеличения с возрастом ответов в пользу «жертвы» (рис. 5), в отличие от дилемм, где конфликт разворачивается между «своим» и «чужим».

Оценка моральной нагрузки с помощью анализа показателей пульса будет описана в [5].

2. Ответы на дилеммы «свой – чужой»

Для дилемм «Белки», «Инопланетяне», «Человек» использовались данные, полученные при участии 98 человек (социodemографические характеристики см. в разделе «Методика»). Для дилеммы «Собаки» были использованы данные, полученные при участии 80 человек (44 мальчика, 36 девочек) в возрасте от 3 лет 4 месяцев до 11 лет 2 месяцев ($Me=7,1$ года).

Были выявлены различия между распределениями ответов на дилеммы при сравнении групп 3–4 года / 7–9 лет для всех дилемм, кроме дилеммы «Инопланетяне», а также при сравнении групп 7–9 / 10–11 лет для всех дилемм (точный критерий Фишера двухсторонний, $p<0,05$). С помощью частотного анализа (см. рис. 5) был установлен возрастной тренд для дилемм с участием «чужого» вида: старшие дети достоверно

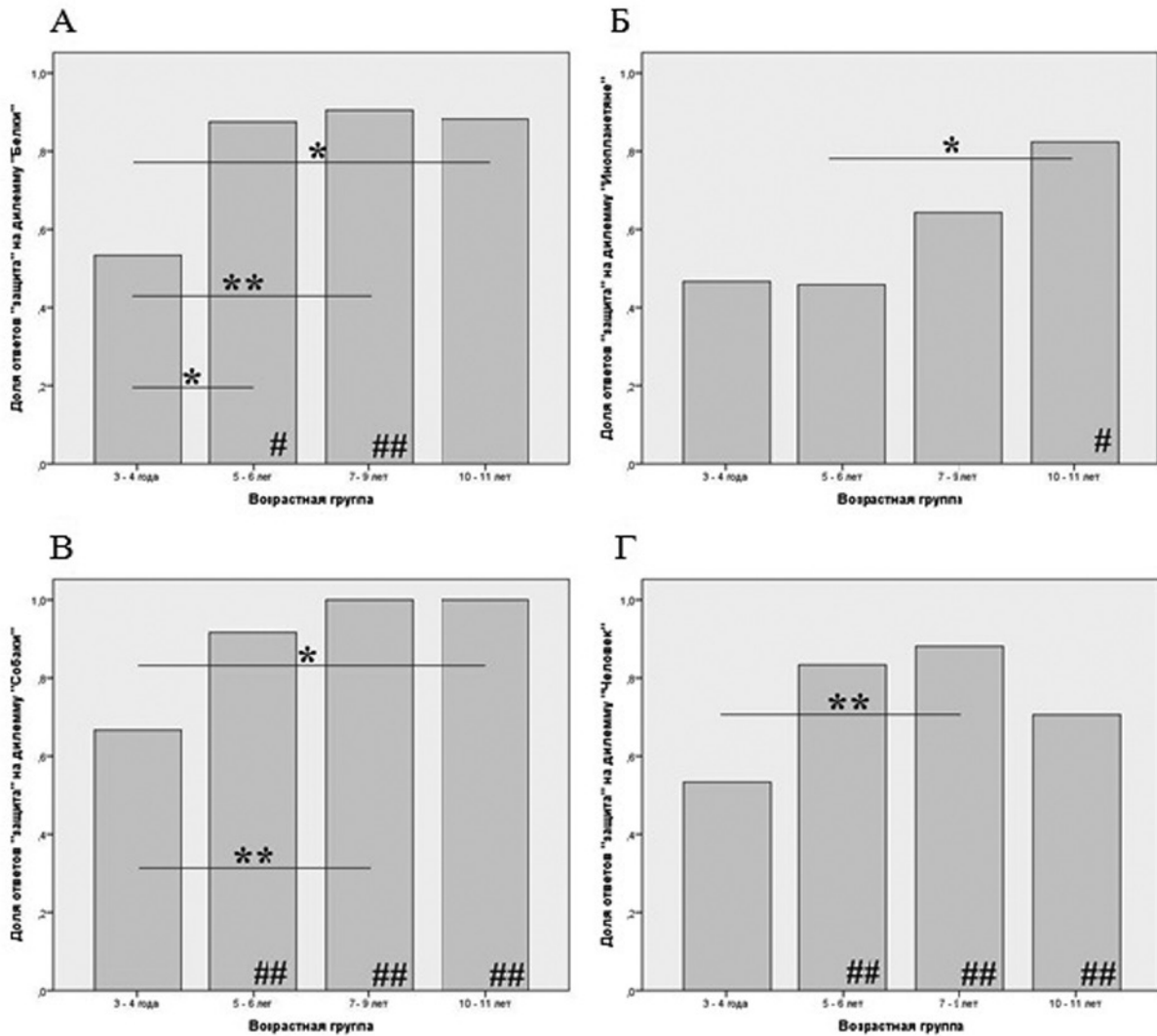

Рис. 5. Частотный анализ сопоставления долей ответов «защита» разных возрастных групп: для дилеммы А – «Белки»; Б – «Инопланетяне»; В – «Собаки»; Г – «Человек». * Уровень достоверности точного критерия Фишера двухстороннего $<0,05$; ** уровень достоверности точного критерия Фишера двухстороннего $<0,01$. # Уровень достоверности биномиального критерия $<0,05$; ## уровень достоверности биномиального критерия $<0,01$

чаще встают на сторону «чужих», нежели младшие. Этот переход на сторону «чужих» осуществляется позднее в дилемме «Инопланетяне» по сравнению с остальными дилеммами.

3. Оценки поступка «агрессора»

Были использованы данные, полученные при участии 94 человек (49 мальчиков, 45 девочек) в возрасте от 3 лет 4 месяцев до 11 лет 2 месяцев ($Me=7,4$ года) для дилемм «Инопланетяне», «Белки», «Человек». Для дилеммы «Собаки» были взяты данные, полученные при участии 76 детей (42 маль-

чика и 34 девочки) в том же возрастном диапазоне ($Me=7,1$ года).

Мы сопоставили распределения ответов на дилеммы и соответствующих им оценок поступка «агрессора». Была обнаружена достоверная обратная связь между переменными «индекс применения стратегии «защиты» и «индекс оценки» (подробнее см. подраздел «Переменные») для всех групп, кроме группы 3–4 года ($Sr, p<0,05$). Таким образом, чем больше усредненный балл по дилемме (чем меньше ребенок выбирал «агрессора»), тем меньше средняя

оценка. Дети выбирают того персонажа, который, по их мнению, поступает «хорошо».

В результате частотного анализа были установлены общие закономерные различия в оценке детьми поступка «агрессора» в зависимости от того, на чью сторону они встали:

- Для детей, выбравших «чужого» («жертву»), характерны более негативные оценки «агрессора». Причем, если среди оценок младших детей есть и положительные, то оценки старших детей (7–9 лет) сконцентрированы исключительно на отрицательном полюсе.

- Для детей, выбравших «своего» («агрессора»), характерна следующая тенденция: младшие участники исследования оценивают «агрессора» и положительно, и отрицательно, однако старшие больше тяготеют к отрицательным (в группе 7–9 лет) и средним оценкам (в группе 10–11 лет).

Динамика оценок для дилеммы «Человек» несколько иная в случае, если ребенок встал на сторону «жертвы». Оценки младших групп (3–4 года, 7–9 лет) для этой дилеммы, как и в остальных дилеммах, сдвинуты к отрицательному полюсу, тогда как оценки старших групп расположены больше в середине. То есть старшие группы в дилемме «Человек» склонны все же оправдывать поступок «агрессора», несмотря на то, что встали на сторону «жертвы». В случае если ребенок встал на сторону «агрессора», динамика оценки такая же, как и в межвидовых дилеммах.

4. Изменения ответов на дилеммы и изменения оценок поступка «агрессора»

Использовались те же данные, что и в анализе оценок поступка «агрессора».

С помощью критерия Манна – Уитни двухстороннего сравнивались пары распределений индекса «сомнений» всех возрастных групп. Были найдены достоверные различия в распределениях усредненных баллов количества изменений ответов на дилеммы и при оценке поступка «агрессора» для групп 3–4 года / 7–9 лет; 5–6 лет

/ 7–9 лет; 7–9 лет / 10–11 лет ($p < 0,03$). В остальных случаях достоверных отличий не было обнаружено. С учетом результатов частотного анализа можно предположить, что в целом дети 7–9 лет чаще изменяют свои ответы после принятия решения, чем дети других возрастных групп.

Обсуждение

Поскольку методика и процедура исследования были сконструированы нами таким образом, чтобы выявить возможные систематические ошибки, а также оценить «моральную» нагрузку дилемм, мы рассматриваем результаты применения нашей методики как показатель того, что нами осуществлен первый этап ее апробации. Нами не было обнаружено достоверных систематических ошибок – смещения ответов. Методика отвечает предъявленным к ней требованиям.

Был выявлен возрастной тренд для всех дилемм с участием других видов: старшие дети достоверно чаще принимают сторону «чужого» («жертвы»), чем младшие. Причем, если в дилеммах «Собаки» и «Белки» (животные) учащение ответов в пользу «чужого» наблюдается уже в раннем возрасте, то в дилемме «Инопланетяне» это происходит более плавно, и переход на сторону «чужого» происходит только в старших возрастных группах. Отдельно отметим, что в контрольной дилемме «Человек», где конфликт разворачивается между представителями «своего» вида, не наблюдается возрастного тренда в отличие от дилемм, где конфликт разворачивается между «своим» и «чужим» в видовом смысле. То есть, данный возрастной тренд характеризует именно развитие предпочтения «своего» или «чужого», а не только «жертвы» или «агрессора».

Кроме того, установленный нами возрастной тренд свидетельствует в пользу нашего предположения о порядке формирования элементов, входящих в структуру субъективного опыта, делающую

возможным нравственное предпочтение «чужого», а также указывает на наличие характерных черт социализации детей в культурной среде. Нравственность как специфическая характеристика субъективного опыта формируется от наиболее древних систем, актуализация которых лежит в основе поведения безусловной помощи «своим» (при этом, чем ближе «свой» в генетическом смысле, тем раньше формируется система), к более поздно формируемому поведению, связанному с пониманием ценности жизни любого, в том числе и «чужого» индивида (при этом, чем более чуждый индивид, тем более поздно по отношению к нему формируется данное поведение). Это положение согласуется с предположением F. De Waal [42] о том, что порядок оказания помощи другим в условиях ограниченности жизненно важных ресурсов зависит от степени генетической близости к индивиду. Чем меньше ресурсов у индивида, тем на более высокой ступени в иерархии близости должен стоять другой (то есть быть в большей степени «своим» по отношению к индивиду), с которым этот индивид готов поделиться собственным ресурсом. Таким образом, если младшие дети чаще встают на сторону «своего», придерживаясь наиболее стержневых, свойственных разным (возможно, всем) видам эволюционных принципов помощи «своим» [26], то старшие дети начинают уже придерживаться и более сложных, «когнитивно затратных» принципов: помощь и сочувствие представителям других видов, принятие ценности жизни любого существа как таковой. Они могут встать на точку зрения другого и понять, что бывают ситуации, когда «чужому» помощь может быть нужнее, чем «своему». Возможно, формирование такого отношения к «чужому» на более поздних этапах онтогенеза обуславливается обогащением субъективного опыта, возрастанием числа эпизодов межгрупповых взаимодействий, числа и гетерогенности членов формальных и стихийных групп

в современном обществе, с которыми соприкасается субъект.

Подчеркнем, что справедливое отношение к «чужому» формируется не у всех детей в нашей выборке. У кого-то оно, возможно, сформируется позже, а у некоторых – никогда. В сообществах в определенных соотношениях всегда имеются как альтруисты, так и эгоисты. Если принять, что одной из характеристик более альтруистичной личности является эмпатия в отношении членов сообщества, то можно предположить, что формирование справедливости в отношении к «чужому» (насколько рано развернется и будет ли сформировано вообще) окажется связанным с упомянутым личностным качеством. Высказанное предположение основано на данных, показывающих, что те субъекты, у которых больше выражена активность мозга, связанная с проявлением эмпатии в отношении «своего», демонстрируют большую «эмпатическую активность» и в отношении «чужого» [29]. Если все это так, то логично сделать еще один шаг: думать, что враждебность к «чужим», являющаяся парой к парохильному альтруизму ([23], см. Введение), эффективно «обеспечивается» как раз теми субъектами, у которых задержано формирование справедливости в отношении «чужих».

Нами было показано, что дети по-разному оценивают «аморальный поступок» персонажа в зависимости от того, на чью сторону они встали. При этом в группе 3–4 года, в отличие от других возрастных групп, оценка поступка «агрессора» не связана с ответом на дилемму. Возможно, эти данные свидетельствуют о том, что с возрастом ребенок начинает понимать, что «свой» поступил действительно плохо по отношению к другому, это поведение осуждается в его социокультурной среде (поэтому надо оценить его поступок не максимально высоко); с другой стороны – учитывая мотивы плохо поступившего «своего», оценивает его поступок не максимально низко. Эти результаты согласуются с дан-

ными В.В. Знакова [3] о том, что казанцы, живущие в мусульманской социокультуре и обладающие большими знаниями мотивов поведения мусульман, предпочитают менее жесткую политику наказания террористов, нежели москвичи или жители Саранска, не отрицая необходимости самого наказания.

В результате сопоставления изменений ответов были обнаружены различия между группой 7–9 лет и остальными группами. В целом данная группа чаще изменяла свой ответ, когда экспериментатор просил объяснить свой выбор. Полученные результаты соответствуют данным Fehr E. et al. [26], утверждающим, что в период с 3 до 8 лет дети в большей мере учитывают мнение других людей о себе, а также наиболее восприимчивы к оценкам их поступков со стороны окружающих. Также именно в возрасте 7–9 лет у детей начинается стадия сотрудничества по Ж. Пиаже [11], дети формируют нравственный релятивизм. Возможно, наши данные свидетельствуют о том, что именно в этом возрасте происходит наиболее активное переструктурирование субъективного опыта. Это соответствует данным ряда авторов о том, что в этом возрасте у детей формируется новая способность различения моральных и конвенциональных правил, а также более четкое понимание эмоций персонажа, поступившего плохо [21, 40]. Ребенок начинает обращать больше внимания на моральные оценки его поступка со стороны общества как целого, имеет все больше материала подобных оценок, позволяющих их прогнозировать, и реорганизует собственные нравственные позиции.

Заключение

В настоящей статье на обсуждение выносятся положения о том, что становление нравственного предпочтения «своего – чужого» развертывается от формирования на самых ранних этапах онтогенеза предположительно наиболее эволюционно древ-

них взаимодействий, характеризующихся оказанием помощи «своим» в любом случае, даже если они совершают социально осуждаемое поведение, к позднее формируемым взаимодействиям, включающим в себя справедливое отношение к «чужому». Как мы полагаем, полученные нами данные свидетельствуют в пользу такого положения. Неизменным, интуитивным компонентом нравственных позиций на последовательных этапах остается справедливость и помощь, даже затратная, тому, кто в ней серьезно нуждается, а изменяющимся – «список» индивидов, на которых справедливость и помощь распространяется. Предполагается, что содержание «списка» у людей в данной культуре связано не только с этапом индивидуального развития, но и с личностными свойствами.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-36-01392-а2) и Совета по грантам Президента РФ для поддержки ведущих научных школ РФ (проект № НШ- 3010.2012.6.).

Литература

1. Александров Ю.И. Эмоция и мораль // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – № 3. – С. 186–203.
2. Александров Ю.И., Знаков В.В., Арутюнова К.Р. Мораль и нравственность. Обоснование эмпирического исследования разных групп современного российского общества / В кн.: Психология нравственности. Под ред. А.Л. Журавлева, А.В. Юревича. – М.: Институт психологии РАН, 2010. – С. 339–357.
3. Знаков В.В. Образ врага как психологическое основание понимания мусульманских террористов россиянами // Вопросы психологии. – 2012. – № 2. – С. 23–34.
4. Знаменская И.И. Моральные дилеммы типа «свой – чужой»: обоснование выбора младшими школьниками / В сб.: Психологические исследования. Труды молодых ученых ИП РАН. Вып. 6. Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. – М.: Институт психологии РАН, 2012. – С. 48–61.

5. Знаменская И.И., Созинова И.М., Александров Ю.И. Интуитивные и рациональные компоненты морального выбора у детей 3–11 лет // Теоретическая и экспериментальная психология. – 2013 (в печати).
6. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции – М.: Самообразование, 2011. – 256 с.
7. Марков А.В. Эволюция человека. II. Обезьяны, нейроны и душа. – М.: Астрель: CORPUS, 2012. – 512 с.
8. Молчанова Е.А. Когнитивная сложность как фактор изменения образа этнического «другого» / V Съезд Общероссийской общественной организации «Российское психологическое общество», Москва, 14–18 февраля 2012 г., Материалы участников. Т. I. – М.: Российское психологическое общество, 2012. – С. 356–357.
9. Панов В.И. Экологическая психология. Опыт построения методологии. – М.: Наука, 2004. – 197 с.
10. Панов В.И., Никольская А.В. Взаимодействия в малой группе: эконихологический подход / Малая группа как объект и субъект психологического влияния: материалы Всерос. научн. конф. (с международным участием). Курск, 21–22 октября 2011 г. Ч. 1. Под общ. ред. А.С. Чернышева; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2011. – С. 83–99.
11. Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. – М.: Академический проект, 2006. – 480 с.
12. Резникова Ж.И. Новая форма межвидовых отношений у муравьев: гипотеза межвидового социального контроля // Зоологический журнал. – 2003. – Т. 82. – № 7. – С. 816–824.
13. Резникова Ж.И. Эволюционные и этологические аспекты общественного образа жизни у животных // Вестник ВОГиС. – 2007. – Т. 11. – № 2. – С. 290–306.
14. Сергиенко Е.А., Лебедева Е.И., Прусакова О.А. Модель психического в онтогенезе человека. – М.: Институт психологии РАН, 2009. – 416 с.
15. Созинова И.М., Знаменская И.И., Александров Ю.И. Формирование нравственного предпочтения «своего»/«чужого» у детей 3–11 лет / 6-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. Москва, 25–26 октября 2012 г. Научн. ред. М.О. Мдивани. – М.: ФГНУ «Психологический институт» РАО, 2012. – С. 381–384.
16. Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. Коллективная научная монография / Ю.П. Зинченко и др.; Федер. гос. учреждение «Межведомств. аналит. центр соц. инноваций Федер. агентства по здравоохранению и соц. развитию». Под ред. Ю.П. Зинченко, А.В. Логинова. – М.: ФИРО, 2011. – 608 с.
17. Швейцер А. Благоговение перед жизнью как основа этического миро- и жизнеутверждения. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Прогресс, 1992. – 576 с.
18. Швырков В.Б. Введение в объективную психологию / Под ред. Ю.И. Александрова. – М.: Институт психологии РАН, 2006. – 592 с.
19. Эспинас А. Социальная жизнь животных. Опыт сравнительной психологии. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012. – 320 с.
20. Agrawal A.F. Kin recognition and evolution of altruism / Proceedings of the Royal Society B. – 2001. – Vol. 268. – P. 1099–1104.
21. Arsenio W., Gold J., Adams E. Children's conceptions and displays of moral emotions / In: Killen M., Smetana, J. (Eds.). Handbook of moral development. – Mahwah: Lawrence Erlbaum, 2006. – P. 581–608.
22. Black-Gutman D., Hickson F. The relationship between racial attitudes and social-cognitive development in children: an Australian study developmental psychology // Developmental Psychology. – 1996. – Vol. 32. – N 3. – P. 448–456.
23. Choi J., Bowles S. The coevolution of parochial altruism and war // Science. – 2007. – Vol. 318. – P. 636–640.
24. Clutton-Brock T.H. Breeding together: kin selection and mutualism in cooperative vertebrates // Science. – 2002. – Vol. 296. – N 5565. – P. 69–72.
25. Cunningham W.A., Johnson M.K., Raye C.L., Gatenby J.Ch., Gore J.C., Banaji M.R. Separable neural components in the processing of black and white faces // Psychological Science. – 2004. – Vol. 15. – P. 806–813.
26. Fehr E., Bernhar H., Rockenbach B. Egalitarianism in young children // Nature. – 2008. – Vol. 454. – P. 1079–1084.

27. *Hamilton W.D.* The genetical theory of social behavior (1) // *Theor. Biol.* –1964. – № 7. – P. 1–16.
28. *Hamilton W.D.* The genetical theory of social behavior (2) // *Theor. Biol.* –1964. – № 7. – P. 17–32.
29. *Hein G., Silani G., Preuschoff K., Batson C.D., Singer T.* Neural responses to ingroup and outgroup members' suffering predict individual differences in costly helping // *Neuron.* – Vol. 64. – N 1. – P. 149–160.
30. *Kawakami K., Dunn E., Karmali F., Dovidio J.F.* Mispredicting affective and behavioral responses to racism // *Science.* – 2009. – Vol. 323. – P. 276–278.
31. *Kinzler K.D., Spelke E.S.* Do infants show social preferences for people differing in race? // *Cognition.* – 2011. – Vol. 119. – P. 1–9.
32. *Mead M.* The arapesh of New Guinea / In: *Cooperation and competition among primitive people.* Margaret Mead (Ed.). – New York; London: McGraw-Hill Book Co. – 1937. – P. 20–50.
33. *Olsson A., Ebert J.P., Banaji M.R., Phelps E.A.* The role of social groups in the persistence of learned fear // *Science.* – 2005. – Vol. 309. – P. 785–787.
34. *Phelps E.A., O'Connor K.J., Cunningham W.A., Funayama E.S., Gatenby J.C., Gore J.C., Banaji M.* Performance on indirect measures of race evaluation predicts amygdala activation // *Journal of Cognitive Neuroscience.* – 2000. – Vol. 12. – P. 729–738.
35. *Quinn P.C., Uttley L., Lee K., Gibson A., Smith M., Slater A.M., Pascalis O.* Infant preference for female faces occurs for same- but not other-race faces // *Journal of Neuropsychology.* – 2008. – Vol. 2. – N 1. – P. 15–26.
36. *Quintana S.M.* Children's developmental understanding of ethnicity and race // *Applied and Preventive psychology.* – 1998. – Vol. 7. – N 1. – P. 27–45.
37. *Rilling J.K., Dagenais J.E., Goldsmith D.R., Glenn A.L., Pagnoni G.* Social cognitive neural networks during in-group and out-group interactions // *NeuroImage.* – 2008. – Vol. 41. – P. 1447–1461.
38. *Schoener T.W.* Field experiments on interspecific competition // *The American Naturalist.* – 1983. – Vol. 122. – N 2. – P. 240–285.
39. *Smetana J.G.* Preschool children's conceptions of moral and social rules // *Child Development.* – 1981. – Vol. 52. – P. 1333–1336.
40. *Smetana J.G., Schlagman N., Adams P.W.* Preschool children's judgments about hypothetical and actual transgressions // *Child Development.* – 1993. – Vol. 64. – N 1. – P. 202–214.
41. *Smith E.R., Mackie D.M.* Surprising emotions // *Science.* – 2009. – Vol. 323. – N 5911. – P. 215–216.
42. *Waal F.B.M. de.* Good natured. The origins of right and wrong in humans and other animals. – Harvard University Press, 1997. – 368 P.
43. *Xu X., Zuo X., Wang X., Han S.* Do you feel my pain? Racial group membership modulates empathic neural responses // *Journal of Neuroscience.* – 2009. – Vol. 29. – P. 8525–8529.

MORAL RELATION TO THE «STRANGER» IN CHILDREN AGED 3 TO 11 YEARS OLD. SOLUTION OF MORAL DILEMMAS: PREJUDICES AND PREFERENCES

I.M. SOZINOVA¹, I.I. ZNAMENSKAYA², Y.I. ALEXANDROV^{1,2}

¹ State Academic University for the Humanities; ² Institute of Psychology RAS, Moscow

We studied the relation of moral preferences «friend or stranger» in solving moral dilemmas (children aged 3–11 years old). In the first part of the study by using the authors' methodology we identified the age trend: when solving dilemmas children at earlier stages of ontogeny often take the side of a «friend» in comparison to the children at later stages, who are significantly more likely to show justice to the «stranger».

Keywords: morality, ethics, subjective experience, culture, inter-species relationships, moral dilemma, «friend or stranger», children aged 3–11 years old.